

МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПОЛИТИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Криштаносова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
17, ул. Рабкоровская, Минск, 220007, Беларусь, spirinaelena@tut.by*

В статье рассматривается специфика и сущность современных культурных политик, выделяются отрицательные и положительные моменты их реализации в контексте взаимодействия этнокультурных групп и титульного этноса. Автором выявляются типы этнокультурных групп (группа-толеранты, группа-изоляты), на которые ориентируется правящая элита в рамках осуществления определенной модели национальной культурной политики, а также выявляются характерные особенности данных групп при пребывании на инородной территории. Делается акцент на особенностях конфликтных взаимодействий данных групп с титульным этносом при реализации определенной модели культурной политики. В заключении делается вывод о несостоятельности рассмотренных моделях национальных культурных политик в условиях глобализации.

Ключевые слова: культурная политика; миграция; глобализация; этнокультурная группа; титульный этнос.

MODELS OF NATIONAL CULTURAL POLICIES IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

E. A. Krishtanosova

*The Belarusian State University of Culture and Arts,
17, Rabkorovskaya str., Minsk, 220007, Belarus, spirinaelena@tut.by*

In the article the author considers the specifics and essence of modern cultural policies, highlights the negative and positive aspects of their implementation in the context of the interaction of ethnocultural groups and the dominant ethnicities. The author identifies the types of ethnocultural groups (tolerant group, isolate group), which the ruling elite is guided by in the framework of implementing a certain model of national cultural policy, and also identifies the characteristic features of these groups when they are in a foreign territory. The article focuses on the features of conflict interactions of these groups with the dominant ethnicities in the implementation of a certain model of cultural policy. It is concluded that the considered models of national cultural policies in the context of globalisation are insolvent.

Keywords: cultural policy; migration; globalisation; ethnocultural group; dominant ethnicity.

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 000 человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте [1, с. 44]. Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К. Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония [2, с. 184]. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. На наш взгляд, эта проблема является одной из приоритетных и в Республике Беларусь, которая на данный момент насчитывает более 144 этнокультурных групп. Ключевой статус этой проблемы в современных государ-

ствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, которым свойственно определенное мировоззрение (картина мира), на котором во многом строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможностях замены ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознаны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры — и, возможно, негативные. Как известно из истории, ценности народов, входящих в царства и империи прошлого (Египет, Греция, Рим и т. д.), серьезно отразились на основном ценностном каркасе доминирующей культуры (синтетические культы, противоположные культурному «мейнстриму» установки и т. д.) и способствовали ее упадку. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

В современном мире тенденции **культурной универсализации**, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей. Этот процесс заключается:

- в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, в появлении новых информационных технологий, (примером, является сеть Интернет, которая делает возможной свободную коммуникацию людей различной этнической принадлежности, верований и убеждений);

- в расширении и углублении глобальной культурной связи между людьми и народами. Это дает возможность населению самых отдаленных уголков планеты приобщиться не только к общепризнанным культурным достижениям человечества, но и ознакомиться с различными локальными культурами;

- в попытках создания общепланетарного экономического пространства и единого мирового правопорядка;

- в расширении могущества мирового рынка;

- в объединении стран для совместного решения глобальных проблем современности (преодоление экологического кризиса, связанного с разрушительным вмешательством человека в природу; предотвращение войн с применением оружия массового поражения и создание безъядерного мира и др.).

Таким образом, глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте — это создание «мирового сообщества» для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно «раствориться» в доминантной культуре, т. е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру — к западной цивилизации. Этот принцип «однополярности мира» не нов: исторически сложилось так, что несколько наиболее развитых (преимущественно европейских) культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на правах периферии. В силу подражания «центрам» (причины которого очевидны: это статусность, престиж, высокая мера цивилизации и др.) периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она — отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно — утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и т. д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп. Этот процесс не нов, в определенной мере он существовал всегда — с тех пор, как народы стали контактировать между собой. Но никогда ранее идентичность не была такой ценностью, как перед угрозой растворения в «теле» единой мировой культуры. Именно поэтому в современном сообществе начал активно проявляться феномен «всплеска этнической идентичности» или «этнический бум». Причина этому — активное навязывание культурных образцов (стандартов), «центрами» и, как следствие, ощущение распада групповых идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее самостоятельной культуры. В свою очередь, «всплеск этнической (групповой) идентичности» неизбежно сопровождается агрессивными реакциями (нередко перерастающими в открытые конфликты) в отношении группы, взявшей на себя функции экспортера ценностей (или, так называемой, культуры-донора). Основой конфликтных отношений становится столкновение ценностно-смысловых установок этнокультурных групп, направленных на сохранение и защиту основных составляющих групповой картины мира (ценностей, норм, традиций и т. д.), которые неудержимо трансформируются вследствие культурной диффузии, происходящей сейчас далеко не всегда добровольно и в глобальном масштабе.

Поэтому в целях создания искусственной гомогенизации внутри государства, политические и культурные элиты (приверженцы универсализма) долгие годы, как правило, делали акцент на ассимиляцию (например, Франция, США и др.). Основные идеи этой модели культурной политики — уподобление большинству, превращение иммигранта в рядового гражданина страны, универсализация экономических, политических и религиозных предпочтений. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы «раствориться» в доминантной культуре, т. е. на группы-толеранты. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур. Именно поэтому ассимиляция, как стратегия по отношению к иммигрантским культурам, использовавшаяся на протяжении прошлого века многими европейскими странами, в большинстве случаев себя не оправдала. Ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм — вот лишь некоторые побочные результаты попыток проводить подобную стратегию в поликультурной среде. Во многом это связано с тем, что искусственная гомогенизация сопутствует «ломке» картин мира этнокультурных групп и «размыванию» идентичностей, что свою очередь порождает негативные ответные действия, объяснимые, в первую очередь, психокультурно.

Как мы уже отмечали выше, каждая группа и каждый человек обладает набором стандартов, усвоенных с картиной мира. При попадании в инородную среду он ощущает дискомфорт, так как усвоенная картина мира побуждает его следовать принятым моделям самосознания и поведения, а принимающая сторона заставляет его отречься от этих моделей. Одно из следствий такого негибкого подхода элит титульной культуры — деструктивные попытки сохранения своего культурного «Я» в массовых действиях криминогенного характера. Например, тенденция французских элит ассимилировать мусульманское население своей страны резко противоречило стремлению последних жить по своим религиозным установлениям и придерживаться отличных от установок титульной культуры убеждениям. Это стало причиной массовых демонстраций, крушения зданий, поджога автомобилей и стычек с местным населением. Итак, получается, что современный универсализм, пытаясь объединить человечество на основе общих ценностно-смысловых установках и космополитической идентификации, не только не решает проблемы сохранения самобытности этнокультурных групп, а напротив — направлен на удовлетворение интересов незначительной части населения. Как подчеркивает А. С. Панарин, «глобальные ресурсы для узкоэгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо глобализма» [3, с. 15].

В ответ на это представители **партикуляризма** делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, основной акцент ставится на группах-изолятах как на единственно возможном пути в борьбе против насильственной унификации — «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракции «на расстоянии».

При этом и сторонники партикуляризма не отказываются от идей диффузионизма как возможности взаимного обмена культурными продуктами в целях символического обогащения.

В соответствии с этим была выдвинута модель культурной политики, позволяющая контролировать этнокультурные группы: модель «сепарации/ сегрегации» (например, Германия, Австрия, Великобритания). При таком подходе иммигрант находится в ситуации «гетто», т. е. изолирован от большинства населения. Ему предоставляется рабочее место, но количество его культурных контактов с представителями титульного этноса ограничено. Неудивительно, что эта модель также не оправдала себя, что выразилось, например, в создании миграционных кварталов и даже попыток отдельного их саморегулирования. Например, кварталы выходцев из Пакистана и Бангладеш в Великобритании, представители которых считали не нужным подчиняться местным властям по причине создания собственного самоуправления. Это привело к росту неприязненных отношений со стороны титульной группы, к убийству иммигранта и бездействию полиции. Конфронтация между группами достигла своей точки кипения, когда представители азиатских кварталов после очередных вооруженных нападений со стороны негативно настроенных групп атаковали полицейские участки и некоторые офисы и пабы Олдхэма [4, с. 338]. Таким образом, как мы видим, не оправдалась и изоляционистская (партикуляристская) стратегия культурной политики.

Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку является излишним. Каждая культура (об этом писал еще Н. Г. Данилевский) органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями. Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и отталкивания чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты. Подводя итог,

можно сказать, что на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

Краткий анализ моделей культурных политик демонстрирует, что в свете дилеммы «универсализм — партикуляризм» культурная ситуация XX—XXI в. одновременно центростремительна и центробежна: с одной стороны, этнокультурные группы пытаются прийти к согласию и к созданию единого сообщества, а с другой, стремятся локализоваться. Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше. Поэтому сегодня в этом отношении на первый план выдвигаются две основные проблемы:

— как этнокультурной группе сохранить свои ценностно-смысловые установки, а следовательно, свою идентичность на инородной территории;

— как титульному этносу не потерять способность к сохранению собственной идентичности и не стать лишь одной из разнородных групп в мультикультурном сообществе.

Именно несовпадение разновекторных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождает конфликтные взаимодействия этнокультурных групп с одной стороны, и титульного этноса, с другой.

При этом, субъектом межэтнического конфликта может быть как этнокультурная группа, так и титульный этнос. Поэтому, возвращаясь к рассматриваемым ранее моделям культурных политик, мы считаем их бесперспективными, так как при ассимиляции субъектом конфликта будет выступать этнокультурная группа, прибывшая на территорию страны, а при сегрегации — титульный этнос.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Giddens, A. Immigration and European Integration: Towards Fortress Europe? / A. Giddens. — Manchester: Manchester Univ. Press, 2017. — 144 p.
2. Янг, К. Категории культурного многообразия / К. Янг // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Прусаускас. — М.: Изд-во УРАО, 2008. — С. 184—189.
3. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. — М.: Академ. Проект, 2000. — 289 с.
4. Jovanovic, M. N. European Economic Integration. Limits and Prospects / M. N. Jovanovic. — London; New York: Routledge, 2018. — 356 p.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МИГРАЦИИ

Т. Я. Павлова

Белорусский государственный университет

4, пр. Независимости, Минск, 220030, Беларусь, tanekharav@mail.ru

Отсутствие системного документа регулирующего вынужденную миграцию в ЕС побуждает страны Евросоюза искать пути решения миграционного вопроса путем создания двусторонних соглашений с третьими странами по вопросам легальной миграции, борьбы с контрабандой и реадмиссии; усиливать и укреплять Европейскую службу пограничной и береговой охраны; вести поэтапный диалог внутри евроблока для совместного управления миграционными потоками, координации усилий по выработке единого комплексного подхода, в основе которого лежат солидарность и ответственность. В статье анализируется миграционное законодательство 2018—2019 гг. как Европейского союза в целом, так и отдельных стран ЕС, выделяются проблемы правового регулирования миграции.